РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 48. 27-го Ноября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

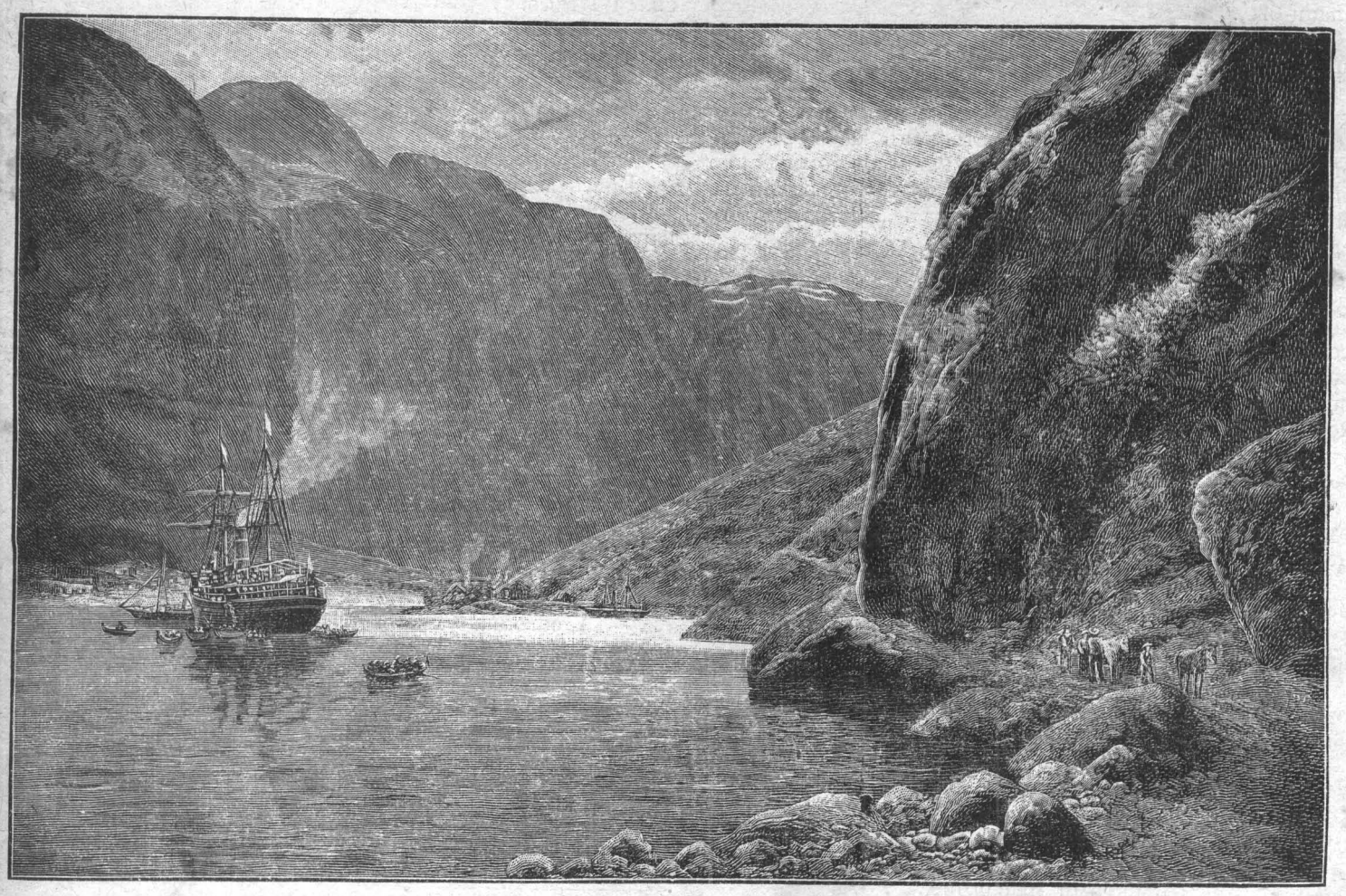
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

Открыта подписка на 1906 г. на изданія „РОДИНА“

Подробное объявленіе о подпискѣ на изданія „Родина“ напечатано въ газетѣ № 43.



НОРВЕЖСКІЙ ФІОРДЪ. Съ картины Т. Экенбрехера гравир. для „Родины“ Б. Пуцъ.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи.

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

КОРЕЦКІЙ не могъ не удивиться изумительной находчивости и сообразительности Пыжа.

— Да откуда ты взялся? — спросилъ онъ.

— Откуда-бы ни взялся, да во-время поспѣлъ!—отвѣтилъ Пыжъ.

— Во-время!

— Еще-бы! свою шкуру спасъ.

— Какъ свою?

— Ну, еще-бы! Ты мекаешь, я о тебѣ хлопоталъ? У тебя своя голова, ты ее и береги самъ. А только пока что голова-то у тебя дурья. Ты къ намъ „глазъ“-то привелъ-бы въ вертепъ, а тамъ-бы и меня накрыли...

— Я-бы никуда не привелъ „глаза“!—мечтательно и вздохнувъ произнесъ Корецкій.—Я не хотѣлъ къ тебѣ возвращаться...

— Такъ. Въ академію захотѣлъ, значитъ, намѣтиться!..

— Въ какую академію?

— Когда ты понимать научишься? Въ острогъ.

— Я совсѣмъ уѣхалъ-бы вонъ изъ города...

— Такъ-бы тебя и выпустили! Вѣдь, ѣхать-то небось по рельсамъ собрался?

— По желѣзной дорогѣ.

— Черезъ вокзалъ?

— Ну?

— Ну, а на вокзалѣ жандармы. Они тебя приласкали-бы...

Разговаривая такимъ образомъ, они, не спѣша, дошли къ себѣ...

Очутившись снова въ гостепріимномъ подвалѣ—надо было отдать справедливость Корецкому, — онъ вздохнулъ облегченно, почувствовавъ себя въ безопасности. Какъ ни несносно, какъ ни томительно было въ этомъ подвалѣ, все-таки на улицѣ, гдѣ, какъ зналъ теперь Корецкій, шныряютъ „глаза“, чтобъ слѣдить за нимъ, казалось хуже...

XXXII.

На этотъ разъ у Пыжа въ запасѣ были приготовлены цѣлый окорочекъ копченой вестфальской ветчины, кусокъ сливочнаго масла и консервы фаршированнаго перца. Онъ любилъ поѣсть не только хорошо, но и разнообразно.

Кромѣ коньяка, онъ досталъ еще бутылку дорогого бенедиктина.

Ужинъ вышелъ на славу, и Корецкій не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать ему должную честь.

Пыжъ, вернувшись въ подвалъ, сталъ снова молчаливъ и неразговорчивъ.

Корецкій жевалъ и ѣлъ задумчиво, тоже не произнося ни слова.

Онъ думалъ о томъ, куда и почему вдругъ исчезла панна Юзефа и какъ ему быть теперь — идти опять завтра къ ней или нѣтъ?

То, что она исчезла, было, дѣйствительно, похоже на ловушку, изъ которой онъ спасся, можетъ быть, только благодаря внезапному появленію и находчивости Пыжа. Значитъ, идти къ ней было опасно.

— Куда-же дѣвалась она?—произнесъ онъ вдругъ вслухъ, занятый своими мыслями.

— Кто она? — переспросилъ Пыжъ.

— Нѣтъ, ничего, я такъ, — отвѣтилъ Корецкій и принялся жевать.

Входная дверь хлопнула, Корецкій вздрогнулъ.

Въ проходѣ къ подвалу послышались шаги.

— Идетъ кто-то! — испугался Корецкій и протянулъ руки къ стоявшему у нихъ на столѣ фонарю, чтобъ потушить его.

— Кому-жъ быть! — спокойно остановилъ его Пыжъ, отстраняя отъ него фонарь, — Ершъ, видно, пришелъ..

Въ самомъ дѣлѣ пришелъ Ершъ.

— Эге, да у васъ тутъ сладкое! — сказалъ онъ, садясь къ столу, и, не ожидая приглашенія, принялся тоже за ѣду.

— Я сейчасъ изъ театра, — обернулся онъ къ Пыжу, не обращая вниманія на Корецкаго, какъ будто того тутъ и не было, — дѣло наклевывается!..

Пыжъ только глазами повелъ въ его сторону.

— Филеночка *) одна разсказывала въ кулисахъ про домикъ въ „Нагорномъ“. Я за пратикоблемъ стоялъ, слышалъ.

— Можетъ, вздоръ? — усомнился Пыжъ.

— Нѣтъ, дѣло. Надо на просвѣтъ пойти. Можетъ и интересъ выдти...

— Сухой интересъ-то?

— Никогда не извѣстно. Можетъ, и мокрый, помочить придется.

Пыжъ взялъ со стола свой ножъ, которымъ они только что рѣзали ветчину, вытеръ его о свою рубашку и сталъ водить имъ по ребру стола, какъ-бы играя.

— Идти сейчасъ нужно! Домикъ крайній... Въ одиночествѣ стоитъ...—пояснилъ Ершъ.

— Да, ужъ если идти, такъ сейчасъ, — согласился Пыжъ.

— И ты?

— И я.

— А воздухъ-то развѣ чистъ?

— Чи-истъ!..

— Ну, стрекаемъ...

— Иди, я сейчасъ...

Ершъ вышелъ.

Пыжъ засунулъ за голенище свой ножъ, взялъ картузъ, напялилъ его, налилъ изъ бутылки коньяка, выпилъ залпомъ, повернулся, подошелъ къ двери, толкнулъ ее ногой и вышелъ, оставивъ ее отворенной, нисколько не заботясь о Корецкомъ.

Ершъ ждалъ его на огородѣ.

Они оба, оглядываясь, не слѣдитъ-ли за ними Корецкій, молча выбрались на берегъ рѣки и тутъ только, убѣдившись, что за ними нѣтъ никакого соглядатая, заговорили.

— Ты дверь заперъ?—спросилъ Ершъ.

Пыжъ помоталъ головой отрицательно и сказалъ:

— Нарочно распахнулъ настежь.

— Надежнѣе припереть-бы было!

— Онъ тамъ съ бутылками остался! Онѣ его лучше замка удержатъ! Не уйдетъ!

— А сегодня ушелъ.

— Я его самъ выпустилъ! а теперь напьется и заснетъ!

— А какъ онъ ушелъ, ты за нимъ смотрѣлъ?

— Онъ сегодня съ утра до самой грозы все метался, потомъ притихъ и сталъ глядѣть въ одну точку. Я ужъ сразу понялъ, что онъ задумалъ что-то! Потомъ, какъ онъ вышелъ..

— Ты за нимъ?

— Нѣтъ. Я на площадь къ гостиницѣ.

*) Дѣвушка.

Сканировал reduktorer rutracker.org

— Дѣло!

— Ждалъ долго.

— Онъ у Юзефы былъ.

— А и ты знаешь, что у Юзефы?

— Знаю. „Глазъ“ мнѣ голосъ подалъ, только я не ожидалъ, что онъ сейчасъ въ гостиницу пойдетъ.

— А онъ пошелъ. Я стою, жду; вдругъ вижу, онъ на перекресткѣ стоитъ и осматривается. Подъѣхалъ извозчикъ и остановился; онъ туда знакъ подалъ, а самъ вошелъ въ гостиницу; извозчикъ остался стоять; въ коляскѣ кто-то былъ, но не вышелъ; я выждалъ, не покажется-ли онъ изъ гостиницы, а потомъ подошелъ къ извозчику; тамъ сидѣла панна Юзефа...

— Ну? такъ она, правда, была тамъ?

— Правда.

— Ну, и ты что-же?

— Я догадался, въ чемъ дѣло, подошелъ къ извозчику и говорю: „Галактіонъ Корецкій просилъ передать, что сегодня птичка улетѣла, но, что отложено, то не потеряно! до завтра, пани Юзефа! Завтра удачнѣе будетъ“.

— Ну, а она?

— Она, не знаю. Я крикнулъ извозчику: „пошелъ скорѣе, откуда пріѣхалъ“, онъ хлестнулъ лошадь, а Юзефа его не остановила и укатила. Потомъ вижу, выходитъ изъ гостиницы Корецкій, а за нимъ филеночка; подвелъ онъ ее къ перекрестку и руками развелъ: извозчика-то и нѣтъ! Тутъ я къ нему подскочилъ...

И Пыжъ подробно разсказалъ все, что было дальше.

— А и жуликъ ты, Пыжъ! — сказалъ ему Ершъ, когда онъ кончилъ.

— А и ругатель ты, Ершъ! — отвѣтилъ Пыжъ

XXXIII.

Дорога въ „Нагорное“, куда направились Пыжъ и Ершъ, шла по берегу рѣки и вовсе не была освѣщена фонарями. Луны не было на небѣ, но звѣзды свѣтили настолько ярко, что видно было достаточно.

Сначала тянулись огороды, потомъ они смѣнились садами находившихся тутъ дачъ. Иныя изъ дачъ были освѣщены и у ихъ воротъ были зажжены фонари.

Ершъ давно уже объяснилъ Пыжу, въ чемъ должно было состоять предположенное имъ дѣло, на которое они шли.

Теперь они держали путь не разговаривая, а посвистывая и покуривая, причемъ во рту Пыжа была пахучая сигара, настолько тонкая по аромату, что ему позавидовалъ-бы любой банкиръ.

Дачи стали попадаться рѣже; наконецъ, почти совсѣмъ уже въ полѣ, зачернѣла купа деревьевъ и между ними заблестѣлъ огонекъ.

— Этотъ домъ и есть! — сказалъ Ершъ, — ишь, какъ рѣка плещетъ!

— Она недалеко отсюда, рукой подать!

— Да, недалеко; можетъ, на этомъ мѣстѣ они и расправились.

Они повернули въ сторону и по полю, наперекоски, направились къ свѣтившемуся огоньку.

Купа деревьевъ оказалась довольно обширнымъ садомъ, окружавшимъ домъ. Ограда была невысокая.

Ершъ перелѣзъ черезъ нее, а Пыжъ остался на сторожѣ.

— Такъ въ случаѣ чего два свиста по-сычиному! — проговорилъ Ершъ, скрываясь по ту сторону ограды.

Въ саду дорожки были расчищены, и Ершъ, держась ихъ направленія, неслышно подкрался по травѣ между деревьями къ самому дому.

Съ одной стороны отпиравшіяся внутрь окна были отперты, но ставни на нихъ затворены. Сквозь щели ставенъ проникалъ свѣтъ и слышались голоса.

Ершъ приблизился къ окну, взлѣзъ на фундаментъ и заглянулъ въ щель.

Въ комнатѣ, освѣщенной довольно ярко, были двое: мужчина и женщина. Онъ сидѣлъ какъ разъ противъ окна, на оттоманкѣ, а она ходила изъ угла въ уголъ. Она казалась разгоряченною и разсерженною.

— Я тебѣ говорю, Мина... — говорилъ онъ.

— Слышу я: Мина да Мина, а никакого толка изъ этого не выходитъ!

— Я тебѣ говорю: нужно подождать!

— А я тебѣ говорю, что нечего ждать, если все можно обставить очень естественно.

— Да, вѣдь, само собою придетъ!

— Пока еще придетъ, а время будетъ упущено.

— Онъ и не можетъ, и не долженъ пережить смерть своей дочери; это психологически вѣрно!

— У тебя всегда фантазіи! Разъ ты заберешь что въ голову, такъ ничѣмъ нельзя выбить это!

— На то я и баронъ, чтобы были у меня фантазіи!—проговорилъ мужчина, лѣниво потягиваясь на диванѣ.

— Ахъ, эта песья порода мужчинъ! — воскликнула Мина. — Будь я на вашемъ мѣстѣ ..

— Ты и на своемъ мѣстѣ хороша!

— И все-таки господинъ Тропининъ живъ и состояньице у него, а не у тебя!

— Оно будетъ у меня, подожди!

— Опять „подожди“! Да когда, когда это будетъ? Ты говоришь „психологически“, а я тебѣ говорю, что онъ какъ-будто чѣмъ-то утѣшился. Я свѣдѣнія о немъ имѣю вѣрныя. Онъ по церквамъ ѣздитъ и съ попами возится.

— Да, если по церквамъ и съ попами, тогда дѣло — дрянь! Я думалъ, что онъ тянуть не станетъ! Энергичный человѣкъ, онъ сразу долженъ былъ покончить съ собой. Что ему оставалось дѣлать?

— А вотъ не кончилъ-же!

— Да, если сразу не кончилъ да по церквамъ, тогда ждать—дѣйствительно, только время терять!

— Я и говорю, что время упустишь и ужъ тогда трудно будетъ симулировать самоубійство; никто не повѣритъ, чтобы онъ ждалъ столько времени, а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего... А, между тѣмъ, теперь это такъ легко! Спальня у него выходитъ въ садъ; она въ нижнемъ этажѣ...

— Да ужъ, какъ это сдѣлать, ты меня не учи, я самъ лучше тебя знаю; мнѣ нужно только этого идіота Корецкаго опять найти!

— Связался ты съ нимъ, очень нужно было!

— Ну, это—не твое дѣло; у тебя мое платье близко?

— Ты переодѣваться хочешь?

— Вѣдь, не такъ же идти, въ видѣ барона, въ накрахмаленной рубашкѣ! Тащи сюда платье!

— Ты сейчасъ хочешь идти?

— Отыскивать Корецкаго пойду! Онъ, навѣрно, теперь въ одномъ изъ трактировъ засѣдаетъ; бояться ему нечего, по дѣлу другой арестованъ и сознался даже! Мнѣ вчера въ клубѣ прокуроръ говорилъ, что скоро и судить его будутъ. Хотятъ поспѣшностью доказать свою дѣятельность!

Баронъ всталъ, подошелъ къ окну и распахнулъ ставни такъ быстро, что Ершъ едва успѣлъ отскочить.

— Тутъ то .но кто-то былъ! — сказалъ баронъ, выглядывая въ окно,—какъ-будто тѣнь мелькнула!— й онъ занесъ ногу на подоконникъ, чтобы вылѣзти.

— Ну, ужъ тѣни у тебя замелькали! — насмѣшливо возразила Мина.—Кому тутъ быть?

Эта женщина была очень красива, той дерзкой, величественной красотой, которая не только дается женщинамъ отъ природы, но и поддерживается ими искусственно, когда онѣ умѣютъ дѣлать это.

А Мина, видимо, умѣла,—умѣла держаться и показать свою красивую фигуру.

На ней былъ почти прозрачный капотъ, лежавшій, какъ античное одѣяніе, складками, и баронъ, свѣсивъ ногу за окно и сѣвъ верхомъ на подоконникъ, невольно остановился и поглядѣлъ на нее, любуясь ею.

— Куда-же ты лѣзешь? — спросила она.

— Надо-же достать, — пояснилъ онъ,—немножко земли, чтобы затереть руки и рожу; съ такими руками и физіономіей въ трактиръ не объявишься, въ костюмѣ мрачнаго санкюлота.

Мина одобрительно улыбнулась ему и махнула рукой.

— Ну, что-жъ! — воскликнулъ баронъ, сидя верхомъ на подоконникѣ и поднявъ руку, должно быть, чтобы изобразить чугунную статую, — не станетъ Тропинина Валерьяна, явится Тропининъ Степанъ!

И онъ соскочилъ въ садъ, захватилъ изъ клумбы горсть земли и снова влѣзъ въ комнату.

XXXIV.

Не прошло и четверти часа, какъ изъ того-же окна вылѣзъ человѣкъ, котораго по купечеству опредѣляютъ: „субъектъ подозрительной личности“.

Скрывавшійся въ кустахъ Ершъ легко узналъ въ немъ барона, который обѣщалъ на подоконникѣ, что, когда не „станетъ Валерьяна Тропинина, явится Тропининъ Степанъ“.

Переодѣтый баронъ направился въ сторону рѣки, а Ершъ проскользнулъ къ оградѣ, гдѣ ждалъ его товарищъ, и перелѣзъ черезъ нее.

— Будетъ дѣло! — заявилъ онъ Пыжу, — теперь не зѣвать только. На самого Степана Тропинина наткнулись мы!

— Наконецъ-то!—одобрительно протянулъ Пыжъ.

— Онъ переодѣтый идетъ сейчасъ въ городъ Корецкаго отыскивать! дѣло можно ловко сладить! Надо его на дорогѣ перехватить! Онъ къ рѣкѣ спустился и, видно, кругомъ обойдетъ.

— Можетъ, лучше одному къ рѣкѣ, другому на дорогу? — предложилъ Пыжъ.

— Ничего! вмѣстѣ на дорогу пойдемъ! онъ все равно туда выйдетъ, — рѣшительно сказалъ Ершъ и они двинулись въ путь.

Они пошли очень быстро, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы насколько возможно взять переда, а затѣмъ замедлить ходъ и дать нагнать себя.

И въ самомъ дѣлѣ, когда они вышли на дорогу, за ними послышались шаги.

Ершъ оглянулся и узналъ въ сумеркахъ звѣздной лѣтней ночи фигуру переодѣтаго самозваннаго барона.

— Онъ!..—шепнулъ Ершъ Пыжу чуть слышно и громко спросилъ:—а что, братъ, нѣтъ у тебя сѣрничекъ? страсть курить хочется!

— И сѣрнички, и цыгарки есть!—въ тонъ ему сейчасъ-же отвѣтилъ Пыжъ.

Они остановились и стали закуривать, причемъ освѣтились отъ зажженной спички ихъ лица.

Это, разумѣется, было сдѣлано съ цѣлью, чтобы внушить довѣріе мнимому барону.

Тотъ въ это время поравнялся съ ними.

— А могу я спросить?—смѣло обратился онъ къ нимъ, отлично владѣя подходящей къ его одеждѣ интонаціей.

Онъ и въ видѣ подозрительнаго субъекта держался такъ-же хорошо и соотвѣтственно, какъ владѣлъ манерами барона.

— Чего? — переспросилъ у него Ершъ.

— Ничего того, а всякъ игуменъ своихъ поповъ знаетъ! — отрапортовалъ баронъ совершенно развязно. — Я спрашиваю: въ городъ по этой дорогѣ идти? —

— А ты не здѣшній?

— Леталъ по кряжамъ, а въ здѣшнемъ омутѣ не былъ!

Онъ, повидимому, легко владѣлъ воровскимъ жаргономъ и пустилъ его, чтобы узнать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Ну? и на каруселяхъ катался *)?.. — спросилъ Ершъ, принимая вызовъ словеснаго экзамена и отвѣчая на томъ-же жаргонѣ.

Баронъ издалъ неопредѣленное мычаніе, которое могло означать и „да“, и „нѣтъ“.

— А вы здѣшніе?—полюбопытствовалъ онъ, переходя на обыкновенный языкъ.

— Здѣшніе.

— Небось своихъ отъ чужихъ отличаете?

— Иногда и чужой своимъ становится! — философски замѣтилъ Пыжъ.

— Я много слышалъ про здѣшнія мѣста!—обратился баронъ къ шедшему рядомъ съ нимъ Ершу, видимо, пренебрегая Пыжомъ за его маленькій ростъ и подвязанную щеку.

— Городъ хорошій! — отозвался тотъ.

— Говорятъ, трактиръ „Лондонъ“ тутъ есть?

— Есть и „Лондонъ“.

Баронъ присталъ къ повстрѣчавшимся ему двумъ оборванцамъ, разговорился и пошелъ съ ними, желая воспользоваться этой встрѣчей, для того чтобы разузнать, какіе въ городѣ существуютъ притоны, гдѣ, по его предположенію, онъ могъ найти Корецкаго.

Онъ сразу узналъ, что это были за птицы, и, будучи хорошо освѣдомленъ относительно обычаевъ подобныхъ людей, могъ предположить, что весьма легко они и сами встрѣчались уже съ Корецкимъ, потому что въ ихъ обществѣ встрѣча и знакомство возможны и часты болѣе, чѣмъ въ другомъ.

Въ каждомъ городѣ, даже въ столичномъ, существуетъ для этихъ людей довольно ограниченное число притоновъ и тамъ они сходятся, какъ рѣчки въ морѣ.

— У меня тутъ долженъ быть товарищъ,—пояснилъ баронъ.—Онъ впередъ меня пошелъ, мы должны встрѣтиться!

— Гдѣ?

— Да вотъ онъ что-то про „Лондонъ“ говорилъ! какъ-будто, кажется, тамъ!

— „Лондонъ“ знаемъ! бываемъ тамъ часто, много народа перевидали тамъ—и своего, и пришлаго! Какъ товарища звать?

— Стрюцкій.

— Ну?

— А что?

— Стрюцкій по прозванію, а по фамиліи Корецкій?

— А вы его знаете?

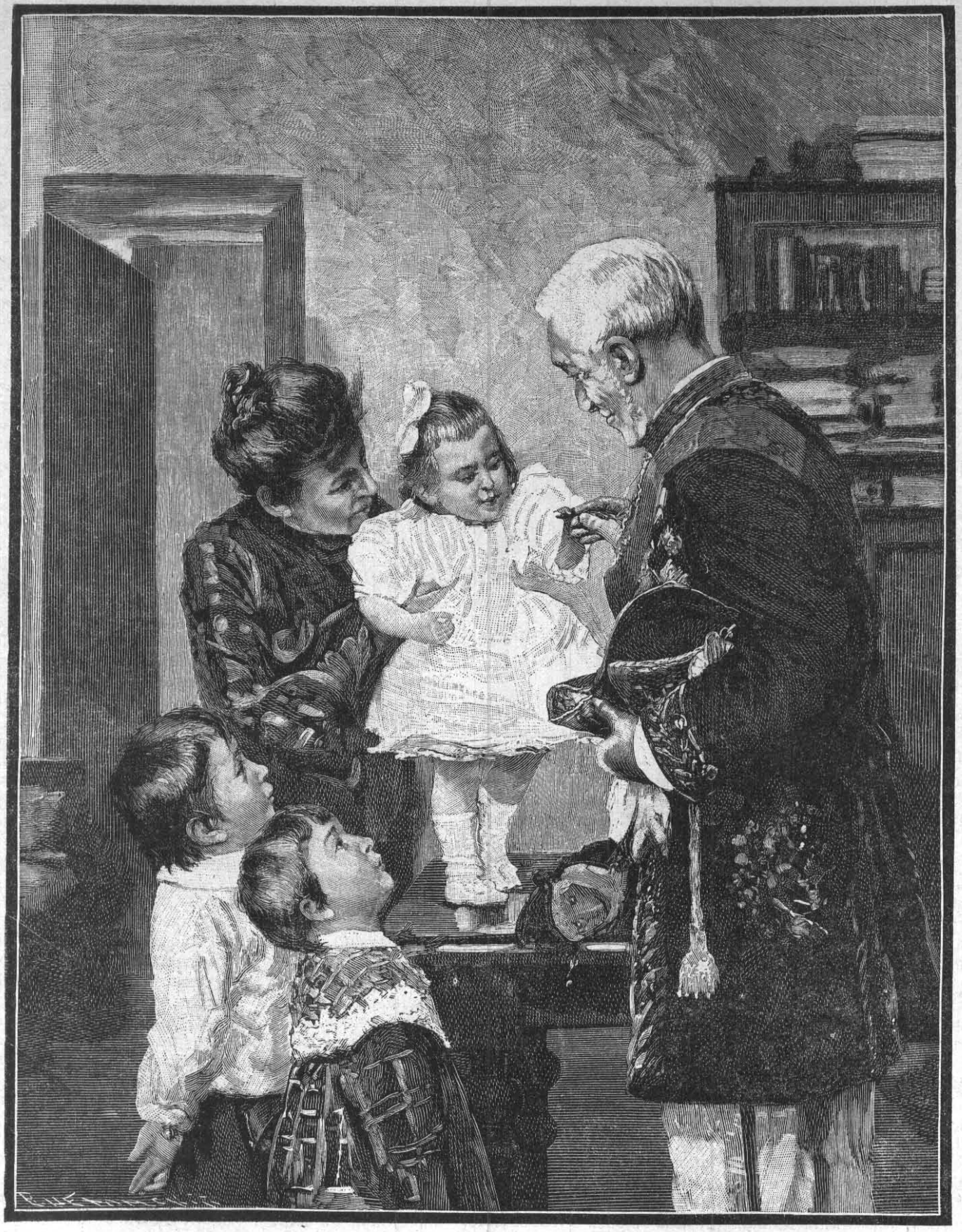
— Галактіона-то?

— Галактіонъ Корецкій, онъ и есть!

— Знаемъ! не только знаемъ, а и очень близко даже!

---

*) Ходилъ по этапу.



ДѢДУШКА. Съ картины профес. **В. Е. Маковскаго** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

— Близко?
— Приткнулся у насъ.
— У меня, то есть, — вставилъ вдругъ Пыжъ, нарушая важное молчаніе, которое хранилъ до сихъ поръ.
— У тебя? — переспросилъ баронъ.
— Нда!
— Гдѣ-же?
— Въ вер ешѣ. Капернаумъ имѣю, онъ у меня тамъ и находится.
— Съ чего-же это?
— По благодушію моему! — усмѣхнулся Пыжъ.
— А ужъ будто ты благодушный?
— Ну вотъ, что твой хлѣбъ!
— Черствый, небось?
— А ты испытай!
— А что если и впрямь испытаю?
— Ну?
— Вотъ и мнѣ пристать некуда. Можетъ, и мнѣ въ твоемъ вертепѣ мѣсто найдется?

Баронъ, узнавъ, что Корецкій находится у одного изъ новыхъ его знакомыхъ, весьма понятно, сталъ налаживать разговоръ на то, чтобъ и самому попасть туда-же. Онъ могъ такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы искать Корецкаго по городу, сейчасъ-же свидѣться съ нимъ и переговорить.

Судьба благопріятствовала ему, какъ онъ полагалъ, и онъ легко повѣрилъ этому, потому что до сихъ поръ, въ общемъ, ему везло въ жизни счастье и хотя и бывали непріятности, и очень сильныя, но онѣ всегда кончались благополучно.

(Продолженіе будетъ.)

Тоска.

Мрачно тяжелыя тучи нависли,
Все неуютно кругомъ и сурово.
Крылья подрѣзаны мысли...
Жутко!.. Такъ хочется теплаго слова!
Трудно идти мнѣ: не вижу ни зги,
Искры не видно просвѣта,
Звука не слышу родного привѣта...
Гдѣ ты? Приди, помоги!

Счастье былое вернуть невозможно;
Новаго?—я не хочу!
Новое будетъ неискренне, ложно!
Я на призывъ промолчу.
Гдѣ ты? Пусть будетъ послѣдняя тризна
Наша по днямъ золотымъ!
Съ устъ не сорвется у насъ укоризна
Днямъ прожитымъ...

М. Колосовъ.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

Разсказъ изъ недавняго прошлаго.

Н. Д. Старостина.

I.

«А счастье было такъ возможно»...

ВЪ ЖАРКІЙ іюньскій день 1904 года по дорогѣ, ведущей къ деревнѣ Дзинджу, шелъ пѣшій отрядъ, состоявшій изъ роты N—скаго полка. Роту велъ бравый командиръ ея, еще довольно молодой капитанъ Зарудный *). Зарудный былъ человѣкъ средняго роста, прекрасно сложенный; красивое лицо его, съ тонкими линіями, загорѣло и кое-гдѣ лупилось отъ жары; пушистые концы его длинныхъ усовъ развѣвались при дуновеніи вѣтра, а прежде небольшая бородка его, давно уже не видѣвшая ножницъ, отросла и раздвоилась, давно небритыя щеки покрылись короткой щетиной, — и теперь все это симпатичное лицо выглядывало нѣсколькими годами старѣе дѣйствительнаго.

Томясь и изнемогая отъ жары, но преодолѣвая усталость и подавая примѣръ выносливости, велъ Зарудный уставшихъ солдатъ по извилистому, покрытому мелкимъ камнемъ ущелью къ деревнѣ. Рота вся истомилась отъ этихъ немилосердно палящихъ, огненныхъ лучей солнца. Сѣрыя, загорѣлыя, покрытыя потомъ и налетомъ желтой пыли, лица солдатъ выражали покорность и усталость; тяжелая аммуниція давила, рѣзала сырое, потное тѣло; такая-же потная рука ощущала теплыя металлическія части ружья, но дѣлать было нечего: нужно было идти,—и они, эти сѣрые герои, шли, не зная— куда, но хорошо понимая—зачѣмъ. Вотъ ущелье круто поворачивало влѣво и сузилось. Зарудный насторожился и зорко взглянулъ по сторонамъ: направо обрывистыми скалами громоздились исполинскіе камни, шедшіе вверхъ неправильными террасами и покрытые кое-гдѣ мхомъ и мелкимъ кустарникомъ; налѣво—такіе-же камни съ тощей зеленью и незнакомыми мелкими бѣлыми цвѣтами; и отъ всей этой каменной раскаленной громады вѣяло жаромъ. Иногда дунетъ, пробѣжитъ вѣтерокъ по ущелью — и вся рота, какъ одинъ человѣкъ, подниметъ навстрѣчу ему истомленныя, потныя лица; дохнетъ онъ на нихъ своею свѣжестью и опять убѣжитъ дальше. И опять жара, томительная, угнетающая, убивающая человѣка.

Зарудный боялся засады на этихъ кручахъ. Иной разъ идетъ отрядъ—все тихо. Вдругъ сверху, куда невозможно взобраться съ дороги, залпъ, другой; люди падаютъ, а откуда стрѣляютъ—сразу и не поймешь: конецъ дула ружья, просунутаго въ щель скалы, не отличишь издали отъ камня, за которымъ скрытъ невидимый врагъ, ловкій, хитрый, храбрый, цѣпкій, какъ обезьяна. Все это хорошо было извѣстно Зарудному, въ храбрости котораго никто изъ товарищей-офицеровъ не сомнѣвался, а солдаты — за его „смекалку“ и братское расположеніе къ нимъ — любили его, какъ отца-командира.

„Сверху можно ожидать опасности,—размышлялъ Зарудный,—но впереди ея нѣтъ: иначе мои молодцы донесли-бы мнѣ. Но что-же нѣтъ этого ручья? Ужели онъ еще далеко?—вспомнилъ онъ про ручеекъ, нанесенный на картѣ.—За ручьемъ верста съ хвостикомъ—и деревня Дзинджу: тамъ и увидимъ, что дѣлать... А выбить ихъ изъ деревни непремѣнно нужно... Нужно по возможности все это дѣло обдѣлать поумнѣе — иначе стыдно и вернуться... Вотъ только-бы вода показалась: бѣдные солдаты совсѣмъ изморились, а подсобить имъ нечѣмъ“...

*) Всѣ собственныя имена вымышлены.

Ущелье расширилось. Мелкіе голыши-камни' словно разсыпанные по дорогѣ изъ рога изобилія, тормозили шагъ: нога скользила по ихъ округленной, гладкой поверхности и тяжелые сапоги солдата то и дѣло „зарывались“ носами. Но вотъ лѣвый берегъ ущелья словно сразу оборвался: далѣе по дорогѣ сбѣгала пологая сопка, богато обросшая на вершинѣ молодымъ лѣскомъ. Зарудный взглянулъ въ бинокль на этотъ лѣсокъ: изъ него торопливой походкой шли два солдата, они направлялись къ отряду. Капитанъ вскорѣ узналъ въ нихъ своихъ развѣдчиковъ.

Ротѣ было приказано остановиться.

Вскорѣ явились развѣдчики.

— А Ветлугинъ гдѣ?—встрѣтилъ ихъ Зарудный, не видя третьяго — рядового Ветлугина, только что получившаго Георгіевскій крестъ за опасную развѣдку.

— Такъ что, ваше благородіе, Ветлугинъ остался у ручья...—донесъ унтеръ-офицеръ Храповикъ, взявъ подъ козырекъ.

— Раненъ, что-ли?.. Видѣли японцевъ?..

— Никакъ нѣтъ, япошей не видали... А Ветлугинъ просто свалился отъ истомы... Въ водѣ онъ лежитъ, только одна голова на солнышкѣ... Невтерпежъ было идти ему—онъ и свалился...

— А... Ужъ не солнечный-ли ударъ?.. Ну, а что новаго? ничего?.. Такъ и не встрѣтили японцевъ?..

— Никакъ нѣтъ. А за ручьемъ словно-бы пахнетъ ими: вдали, за лѣсомъ, что-то виднѣлось, не то человѣкъ, не то какое-то животное...

— А вотъ мы ихъ понюхаемъ... А ручей близко?

— Рукой подать... Дозвольте, ваше благородіе, мы проведемъ поближе.

— Ладно, идите впередъ... Рота! шагомъ... маршъ!

Покачиваясь, опять тронулся усталый отрядъ. Но вотъ вскорѣ вдали серебристой лентой блеснулъ ручей въ лучахъ солнца. Легкій вѣтерокъ дунулъ на роту и словно ободрилъ ее. Солдаты нѣсколько растянули шагъ и пошли быстрѣе.

— Сто-ой!..

Рота остановилась. Ружья были поставлены въ козлы. Солдатамъ былъ данъ небольшой отдыхъ, въ продолженіе котораго имъ было велѣно выкупаться. Офицеры тоже рады были такой ваннѣ—и всѣ съ радостью погрузились въ широкій ручей. Выкупавшись, Зарудный узналъ, что Ветлугинъ „отошелъ“, т. е., выздоровѣлъ.

Перебравшись черезъ ручей, отрядъ принялъ большую предосторожность и тихо, стороною, съ развѣдчиками впереди направился на Дзинджу. Построившись узкой длинной колонной, рота спустилась въ низину и вскорѣ достигла до опушки лѣса, за которымъ находилась деревня. Изъ лѣса вышли наши развѣдчики: ихъ было трое, четвертаго они вели въ срединѣ; его они скоро и представили ротному командиру.

— Не то китайца, не то хунхуза нашли въ лѣсу, ваше благородіе,—отрапортовалъ старшій изъ развѣдчиковъ, Храповикъ.—Шляется по лѣсу, а для чего—неизвѣстно...

— А вотъ мы его поразспросимъ сейчасъ,—бѣгло взглянувъ на молодое тощее желтое лицо манзы сказалъ Зарудный.—Ты откуда?—обратился онъ къ манзѣ.

Китаецъ молчалъ, видимо, не понимая по-русски.

— Мышкинъ! — крикнулъ ротный.

Изъ первыхъ рядовъ вышелъ рядовой Мышкинъ. До войны этотъ Мышкинъ служилъ въ Манчжуріи и порядочно говорилъ по-китайски.

— Спроси его, Мышкинъ, откуда онъ.

Начался допросъ.

Китаецъ на предлагаемые вопросы отвѣчалъ неохотно, уклончиво. Оказалось, что онъ изъ Дзинджу, идетъ на сѣверъ по своему дѣлу. Въ деревнѣ стоятъ два полка японцевъ, ожидаютъ прибытія еще третьяго, есть пушки.

— Вретъ онъ!—крикнулъ Зарудный.—Я знаю, что тамъ полурота.—Скажи ему, Мышкинъ, что мы беремъ его съ собою, и, если онъ совралъ, если онъ насъ обманываетъ, ему будетъ чики-чики...

Малорослый, худощавый китаецъ, какъ загнанный звѣрекъ, озирался на русскихъ солдатъ и, при послѣднихъ словахъ ротнаго, узкіе, раскосые глаза его блеснули, все его маленькое, тщедушное тѣло дрогнуло и сморщенное лицо его какъ-то еще болѣе сморщилось отъ выразившагося на немъ испуга.

— Нѣтъ, нѣтъ, капитане, мнѣ очень шибко-шибко надо бѣжать туда...—быстро заговорилъ онъ по-русски.

— А-а... заговорилъ!—обратился къ нему Зарудный.—Ну, теперь все равно. Говори одну правду: сколько въ Дзинджу японцевъ и что они теперь дѣлаютъ? Иначе безъ чики-чики я тебя не отпущу...

— Сотня будетъ, капитане... большой сотня будетъ... Пушка нѣтъ... Въ фанзахъ японцы ѣдятъ... Мой послали глядѣть русски и говорить японцамъ... Чики-чики хотятъ со мной дѣлать; мой мать, мой братъ взяли японцы... Пусти, капитане, я шибко-шибко бѣжать туда...—показалъ онъ на сѣверъ.

— А если ты насъ обманываешь?.. А?.. Нѣтъ, братъ, не пущу... иди съ нами... И, если ты совралъ, будетъ чики-чики...

— Нѣтъ совралъ... Японцы чики-чики... русски чики-чики... Вотъ лѣсу и Дзинджу... Русски много-много, японцевъ мало-мало...

— Ну, ладно... Иди вотъ по этой дорогѣ,—отпустилъ его Зарудный.—Да смотри, если...

Китаецъ, получивши свободу, подобно зайцу, пустился бѣгомъ навстрѣчу колоннѣ солдатъ.

Въ лѣсу Зарудный раздѣлилъ свою роту на два отряда: одинъ долженъ былъ зайти въ тылъ деревни, другой-же, руководимый капитаномъ, ударить въ условленное время сбоку, изъ лѣсу.

Бѣдная деревушка Дзинджу состояла изъ десятка убогихъ фанзъ. Съ трехъ сторонъ ее окружалъ лѣсъ, покрывавшій небольшія горки; съ четвертой стороны—большая луговина земли была воздѣлана для посѣва. Съ занятіемъ деревни японцами большая часть трудолюбивыхъ китайцевъ разбѣжалась, оставшіеся-же попали къ японцамъ и нѣкоторые изъ нихъ были разосланы шпіонить за русскими. Остальныхъ японцы оставили у себя въ видѣ залога. Не вернись или провинись въ чемъ-либо посланный, пытка и смерть ожидали оставшійся живой залогъ. Вообще, японцы съ китайцами не церемонились.

Разославъ, такимъ образомъ, по лѣсу китайцевъ, японцы почти безъ часовыхъ, послѣ ѣды, предались отдыху. Развѣдочный отрядъ генерала Фулишима не ожидалъ съ этой стороны русскихъ: онъ вышелъ для опознанія мѣстности. Русскіе-же, по китайскимъ донесеніямъ, узнали про него, и Зарудный вызвался сдѣлать со своей ротой нападеніе на Дзинджу. Вслѣдъ за нимъ шелъ весь N—скій полкъ.

Солнце продолжало палить и растительность, и людей. Казалось, въ воздухѣ стоитъ полнѣйшій штиль: ничто не шелохнетъ, не шевельнется; деревья стоятъ словно очарованныя...

Тихо, крадучись, приблизился Зарудный съ полуротой къ опушкѣ лѣса и, остановя въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея солдатъ, одинъ, скользя между деревьями, приблизился къ полянѣ и сталъ разсматривать.

Русскій музей императора Александра III. **ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ**. Съ картины **И. К. Айвазовскаго.**

ВЪ ДОРОГѢ НА БАЗАРЪ. Съ картины проф. І. Брандта.

Деревня казалась словно вымершей: ничто не говорило о войнѣ, о томъ, что врагъ находится всего въ нѣсколькихъ саженяхъ. Зарудный посмотрѣлъ на часы: по условію, черезъ четверть часа высланный впередъ отрядъ долженъ былъ броситься изъ лѣсу на деревню. Онъ прислонился къ дереву и сталъ ждать... Томительно было это ожиданіе. Богъ знаетъ, что можетъ сейчасъ случиться; можетъ быть, придется навсегда оставить въ этой китайской деревушкѣ свои кости... И многое, многое вспомнилось изъ пережитаго, вспомнилось невольно, противъ желанія...

„Не время теперь заниматься воспоминаніями“,—подумалъ Зарудный.

Но эти воспоминанія, словно на зло ему, еще полнѣе, рельефнѣе выступали изъ недавняго прошлаго... Вотъ, словно та знакомая мелодія, которой заслушивался онъ, коснулась до его слуха...

„Этому виною усталость, истома, вообще утомленіе,—думалось ему.—Вотъ сейчасъ напрягутся нервы—и вся эта, эта“...

Впереди его, всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, сонный японскій часовой, котораго онъ раньше и не замѣтилъ, въ тѣни у фанзы, перевернулся на другой бокъ.

Зарудный вторично взглянулъ на часы и сдѣлалъ солдатамъ знакъ слѣдовать за нимъ.

Не прошло и трехъ минутъ, какъ сонный часовой, пронзенный штыкомъ, остался навсегда спать, погрузившись въ тихую, безмолвную нирвану...

Другого часового постигла та-же участь.

Черезъ десять минутъ рота соединилась. Застигнутые врасплохъ японцы съ проклятіями выбѣгали полураздѣтые изъ фанзъ, словно для того, чтобъ тутъ-же, на дворѣ, лечь костьми другъ подлѣ друга... Нѣкоторые изъ японцевъ, видя гибель товарищей и срамъ за безпечность, тутъ-же, на глазахъ своихъ враговъ, вспарывали себѣ животы, дѣлая отвратительное харакири... Страшная рѣзня, во имя ужаснаго слова: „война“, быстро дѣлала свое сокрушающее дѣло... Въ четверть часа этой бойни масса тѣлъ валялась безъ признаковъ жизни... Въ воздухѣ стояли стонъ и проклятія... Тихая до того мѣстность вдругъ дрогнула въ страшномъ испугѣ и незнакомые, не видѣвшіе до тѣхъ поръ другъ друга, люди стали убивать одинъ другого... Это—кровожадный законъ войны... Это—одно изъ страшныхъ Божескихъ наказаній...

Усталые солдаты, едва волочившіе ноги, готовые на каждомъ шагу упасть, лечь отъ зноя и устали на эту раскаленную грѣшную землю, теперь, чувствуя себя побѣдителями, не знали и словно не желали себѣ отдыха. Въ человѣкѣ проснулся кровожадный звѣрь, и цѣль этого звѣря—какъ можно болѣе сдѣлать вреда врагу, такому-же звѣрю; имъ, человѣкомъ, въ тотъ моментъ руководитъ только жажда мщенія, не личнаго мщенія, а массоваго: чѣмъ болѣе онъ сокрушитъ враговъ, тѣмъ болѣе пользы принесетъ онъ отечеству. Въ тотъ моментъ заповѣдь „не убій“ покрывается флеромъ...

Окруженная со всѣхъ сторонъ деревня словно стала задыхаться отъ крови. Большая часть защитниковъ ея была убита, человѣкъ тридцать съ офицеромъ сдались въ плѣнъ. У русскихъ потери были сравнительно ничтожны.

Зарудный, даже не раненый, обошелъ съ солдатами всѣ фанзы и, не найдя болѣе никого изъ японцевъ, вернулся на улицу, гдѣ стояли въ кучкѣ обезоруженные, окруженные солдатами плѣнные японцы. Первымъ дѣломъ Зарудный послалъ солдата съ донесеніемъ къ полковому командиру, котораго онъ просилъ занять взятую деревню, гдѣ многіе нуждались въ медицинской помощи. Отправивши донесеніе, онъ пошелъ къ кучкѣ плѣнныхъ,—и вдругъ упалъ, ударившись головою о прикладъ валявшагося ружья. Лѣвую ногу его, ниже колѣна, словно проткнула раскаленная проволока и вслѣдъ затѣмъ въ плечѣ появилась острая, жгучая боль. Въ глазахъ Заруднаго все окружающее сразу какъ-то слилось въ одну неопредѣленную массу и вся эта масса словно закружилась на одномъ и томъ-же мѣстѣ... Но вотъ блеснула широкая полоса просвѣта и по этой полосѣ, подобно урагану, неслось неисчислимое количество казаковъ съ пиками наперевѣсъ...

„Что это?“—пронеслось въ головѣ Заруднаго.

И казаки вдругъ исчезли, а на ихъ мѣсто появилась его изможенная, измученная рота... Онъ открылъ глаза: подпоручикъ Гурьевъ нагнулся надъ нимъ, солдаты, съ грустными лицами, окружили его, своего командира. А вотъ и графъ Химкинъ, элегантный, чистенькій, съ золотымъ пенснэ на носу, съ насмѣшливымъ взглядомъ и гаденькой улыбочкой, подхихикнулъ:

— Вѣрующимъ везетъ на войнѣ: даромъ въ рай попадете...

— Павелъ Петровичъ!..—окликнулъ Заруднаго подпоручикъ Гурьевъ.

— Я хочу умереть христіаниномъ,—отвѣтилъ тотъ кажущемуся ему графу Химкину,—и, если можете, простите меня за все...

И предъ Зарудным опять понеслись казаки. Старыя, частью уже забытыя, картины пережитаго смѣнялись одна другою, перемѣшанныя ужасами войны. И вдругъ все завертѣлось въ бѣшеной пляскѣ. Красные, зловѣщіе языки пламени, казалось, облизывали всѣ предметы—и землю, и фанзы, и деревья, и людей, и даже самый воздухъ... Жаркая, тяжелая кровавая волна подходила все ближе и ближе и, казалось, хотѣла захлестнуть всю мѣстность. Но вотъ вдругъ опять послышалась та знакомая, любимая мелодія, которою такъ часто заслушивался Зарудный въ Петербургѣ, въ изящной гостиной княгини Калишидзе... А это что? смерть идетъ... смерть... нѣтъ... это... это...

— Дора...—простоналъ Зарудный.

И предъ нимъ все исчезло. Онъ лишился сознанія...

II.

Когда Зарудный пришелъ въ себя и открылъ глаза, предъ нимъ была другая обстановка: вмѣсто улицы деревни Дзинджу, гдѣ онъ упалъ подъ пулями, онъ находился въ офицерскомъ отдѣленіи госпиталя Краснаго Креста и лежалъ на чистой кровати. Лазаретъ былъ большой, опрятность—образцовая, воздуха—масса. Въ палатѣ было занято нѣсколько кроватей больными и ранеными. Налѣво отъ Заруднаго два мѣста были свободны; направо, откуда послышались слабый стонъ и шумъ, лежалъ раненый поручикъ. Заруднаго томила жажда; онъ слабо повернулъ голову въ сторону больного и увидалъ у его постели сестру милосердія, поправлявшую повязку на головѣ проснувшагося, разметавшагося больного; и теперь Зарудному все стало ясно: онъ вспомнилъ про дѣло подъ Дзинджу. Но, кто его ранилъ, для него осталось загадкою, тѣмъ болѣе, что и дѣло-то уже было окончено, осталось только позаботиться о раненыхъ и плѣнныхъ—и вдругъ его ранили.

„Странная вещь,—подумалъ Зарудный,—ну, да ладно, послѣ узнается, а теперь-бы попить чего-нибудь... очень пить хочется.

Онъ сдѣлалъ движеніе, желая перевернуться на бокъ въ сторону сестры, и почувствовалъ ноющую боль въ ногѣ и плечѣ; голова была тяжела; на глаза что-то словно давило такъ, что вѣки готовы были сами собою опуститься, сомкнуться. Онъ сдѣлалъ еще движеніе—и отъ боли у него невольно вырвался легкій стонъ. Сестра обернулась. Глаза ихъ встрѣтились.

— Проснулись?.. Ну, вотъ и хорошо...—проговорила она по его адресу.

— Ахъ, сестрица, пить хочется!.. Дайте, пожалуйста, мнѣ чего-нибудь напиться!

Сестра была лѣтъ тридцати пяти. Симпатичное лицо ея улыбнулось Зарудному и тотчасъ-же приняло строгое выраженіе.

— Я напою васъ сейчасъ морсомъ,—мягко проговорила она,—но шевелиться вамъ вредно... Лежите пока смирно: у васъ забинтованы нога и плечо... Да и боли лишней не будетъ, и бинты будутъ цѣлы.

Зарудный опять зашевелился, желая принять прежнее положеніе, и опять отъ боли въ ногѣ у него вырвался невольный стонъ.

— Вотъ видите, и застонали, — укоризненно-участливо произнесла сестра, взявъ его осторожно, но властно за плечи и тихо укладывая на спину.— Ну-съ, вотъ вамъ морсъ: пейте на здоровье.

Зарудный неловко, лежа, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ кислаго, пріятнаго питья.

— Сестрица, не можете-ли вы мнѣ сообщить, что со мною?..

— У васъ сквозная рана въ ногѣ ниже колѣна и еще плечо задѣто... плечо еще не опредѣлено: задѣта кость или нѣтъ... и голова была ушиблена... Вѣроятно, при паденіи вы стукнулись головой о какой-нибудь твердый предметъ.

— А... а...

— И до головы прошу васъ не дотрагиваться: у макушки мы вамъ выбрили волосы и положили заплатку на то мѣсто, гдѣ оказалась порядочная ссадина.

— Голову мнѣ больно...

— Славу Богу, что вы пришли въ себя: мы боялись, не сотрясеніе-ли мозга у васъ... Но теперь это опасеніе миновало.

— А еще изъ моей роты есть кто-нибудь здѣсь?

— Изъ офицеровъ—нѣтъ; изъ солдатъ—не знаю... Не хотите-ли покушать?

— Нѣтъ, не хочу... А долго, сестрица, я пролежу здѣсь?..

— Не могу вамъ сказать опредѣленно... Возможны осложненія... Да куда вамъ торопиться? Погостите у насъ...

— Ахъ, да, да...

— Совѣтую вамъ много не безпокоиться и не думать, постарайтесь быть относительно спокойнымъ, для васъ это будетъ полезно. Если можете, усните, а я приготовлю вамъ кушать...

Сестра опять обернулась къ поручику, опять поправила повязку на его головѣ и тихой, неслышной походкой вышла изъ палаты.

Зарудный проводилъ ее глазами. Спать ему не хотѣлось, но его отяжелѣвшія вѣки сами собой сомкнулись и имъ овладѣло какое-то неопредѣленное состояніе, состояніе, когда человѣкъ находится между сномъ и бодрствованіемъ. Зарудный чувствовалъ, что онъ не спитъ, и въ то-же время предъ нимъ носились сновидѣнія: опять давно прошедшія картины прожитаго, переплетаясь и путаясь съ настоящимъ, какъ хороводъ, вертѣлись вокругъ него, то замедляя, то ускоряя свое шествіе... Вотъ егодавно похороненная любимая матушка наклонилась предъ нимъ въ изголовьѣ и онъ вглядывался въ это знакомое морщинистое лицо старушки и въ то-же время думалъ: „что это—сонъ или дѣйствительность? сплю я или бодрствую?“. Морщинистое лицо старушки вдругъ перерождалось въ другой образъ: молодая, красивая дѣвушка участливо заглядывала ему въ глаза и губы ея шептали: „Ранили? васъ ранили, бѣдный!“.

„Дора,—пронеслось въ головѣ Заруднаго,—какъ она могла попасть сюда?..“

И опять новые и новые образы неслись предъ нимъ: слышался шумъ битвы, бѣшеная скачка казаковъ смѣнилась знакомой мелодіей—и онъ заснулъ тревожнымъ сномъ.

Часа черезъ два его разбудилъ шумъ. Когда онъ открылъ глаза, то увидалъ, что рядомъ съ нимъ на кровати лежитъ новый больной—раненый офицеръ. Этотъ офицеръ, будучи въ забытьѣ, сильно стоналъ и произносилъ какія-то несвязныя слова. Предъ нимъ стояли докторъ и сестра: докторъ давалъ сестрѣ какія-то порученія, та кивала головой и иногда что-то переспрашивала.

Послѣ сна Зарудный чувствовалъ себя сравнительно лучше: голова была свѣжѣе и боли ноги и плеча поутихли. Ему захотѣлось ѣсть.

„Это хорошо,—подумалъ онъ,—что у меня явился аппетитъ: можетъ быть, Богъ дастъ, и поправлюсь скоро“.

Отдавъ послѣднія порученія сестрѣ, докторъ повернулся уже было къ выходу, но, замѣтивъ проснувшагося Заруднаго, подошелъ къ нему.

— Здравствуйте, капитанъ,—весело проговорилъ онъ, подавая ему руку.—Ну, какъ? Вы кажетесь молодцомъ...

— Не знаю, докторъ,—отвѣтилъ ему Зарудный.— Хотѣлось-бы быть имъ, да молодечество-то, кажется, отлетѣло надолго...

— А какова голова ваша? Дайте-ка пощупать пульсъ.

— Голова ничего... теперь лучше... Раньше очень давило на глаза.

— Это отъ сильнаго толчка... это пройдетъ... Пульсъ хорошъ. Не хотите-ли поѣсть?..

— Да, докторъ, теперь хочу...

— Вотъ и прекрасно. Сестра васъ накормитъ. До свиданья пока, некогда, много дѣла набралось.

И докторъ торопливо вышелъ.

(Продолженіе будетъ.)

Зимняя ночь.

Заснуло село въ полумракѣ
Морозной чарующей ночи.
Въ убогихъ избушкахъ померкли
Окошекъ ослѣпшія очи.
И трудъ, и нужда, и печали
Исчезли, забыты на время;
Свалилось съ плечей исхудалыхъ
Житейское тяжкое бремя.
Все такъ хорошо и спокойно,
И счастливо въ мірѣ забвенья...
Лишь искрами въ спящемъ сознаньѣ
Мелькаютъ порой сновидѣнья...

А. Вороховъ.

БОРЯ КОВЕНЧУКЪ.

Очеркъ

Е. О. Дубровиной.

(Окончаніе.)

ЛЕВЪ ПАВЛОВИЧЪ хвалился тѣмъ, что у него проволоки протянуты тамъ, гдѣ у другихъ находятся нервы. Ему были такъ мало знакомы эти тонкія нити, какъ липкая паутина, опутавшія наше поколѣніе, что онъ ихъ называлъ тѣмъ некрасивымъ словомъ, которое по-латыни означаетъ падаль. «Стэрвы — нэрвы», — говорилъ онъ, обращаясь къ кухаркѣ Аксиньѣ, у которой не проволоки, а цѣлые канаты замѣняли эти «струны эоловыхъ душъ», звучащія подъ каждымъ легкимъ дуновеніемъ вѣтерка. Левъ Павловичъ искренне ненавидѣлъ все слабое и нѣжное и не разъ говорилъ своей хрупкой женѣ: «Румянецъ твой обманулъ меня; знай я, что природа насадила въ тебя столько миндаля-ваниля, на пушечный выстрѣлъ не подошелъ-бы къ тебѣ».

Презрительный тонъ отца задѣлъ за живое Борю.

— Хорошо, папа,—сказалъ онъ,—я не буду ни плакать, ни нѣжничать. Но и ты не нѣжничай, не бойся отпустить меня на войну. Тамъ и для меня найдется подходящее дѣло. Къ осени я вернусь и буду продолжать учиться. Всѣ говорятъ, что война затянется надолго, что сами солдаты не хотятъ такого унизительнаго мира, съ такими страшными условіями, которыя разорятъ Россію. Папа, я тоже думаю, что лучше намъ всѣмъ «лечь костьми», чѣмъ соглашаться на торжество врага, на униженіе предъ Европой. «Первые да будутъ послѣдними!» Нѣтъ, ужъ лучше смерть! Города, села, деревни, волости,— всѣ должны сжечь себя, вымереть, и пусть груды тѣлъ достанутся Японіи, и пусть она богатѣетъ на нашей кормилицѣ-землѣ, и пусть завоюетъ всю Европу. Вотъ моя мечта, папа! Мнѣ думается, что именно такъ это будетъ, хотя-бы кости Іоанна III, Собирателя земли русской, повернулись въ гробу! Пусть лучше желтолицые завладѣютъ нами, чѣмъ наши, христіане-европейцы.

— Это почему-же? — недоумѣвающимъ тономъ спросилъ отецъ.

Алексѣй, ходившій по комнатѣ, остановился и тоже вопросительно взглянулъ на брата.

— Да, лучше, лучше!—возбужденно настаивалъ юноша. — Никогда нашъ русскій народъ не измѣнитъ Христу ради Будды; онъ притихнетъ наружно, сдѣлаетъ видъ, что покорился и въ молчаніи ночи, въ шумѣ дня будетъ готовиться къ послѣдней, рѣшающей бойнѣ, изъ которой, въ концѣ концовъ, все-таки выйдетъ побѣдителемъ. Вотъ вамъ евреи: цѣлые вѣка они терпятъ гоненія, а найдите-ка вы сильнѣе и выносливѣе племя! Гнетъ не дастъ заснуть, гнетъ внушитъ такія средства борьбы, о какихъ теперь мы и представленія не имѣемъ. А завоюй-ка насъ нѣмецъ! Ого! Намъ будетъ не житье, а масленица! Столѣтія не пройдетъ, какъ мы будемъ смѣяться надъ нашей родной «азіатчиной» и выбросимъ за бортъ все, чему вѣрили, начиная съ Марѳы Посадницы, продолжая Пугачевымъ и кончая Серафимомъ Саровскимъ. У насъ «alte Geschichte» не останется «immer neu» *,—и фамильные склепы съ родными могилками обратятся изъ «завѣтной святыни» въ «смѣшной предразсудокъ», подъ вліяніемъ нѣмецкой культуры, потерявшей Бога и стыдъ! Нѣтъ, Будда лучше, чѣмъ Ваалъ, Вакхъ и Венера, которыми живетъ вся Западная Европа! Японцы, вѣруя въ Будду, научатъ насъ вернуться къ Христу. Котораго позабыла вся Европа, служа и молясь золотому тельцу.

У Бори горѣли глаза, зарумянились щеки. Отецъ и братъ смотрѣли на него съ нескрываемымъ изумленіемъ, а мать, гордая и счастливая самостоятельнымъ мышленіемъ сына, прислонилась къ его плечу, стараясь скрыть торжествующую улыбку.

— Постой, дитя,—сказалъ Левъ Павловичъ, послѣ минуты молчанія.—Скажи, пожалуйста... это Франя тебѣ внушила, или... своимъ умомъ ты дошелъ до такихъ... оригинальныхъ обобщеній?

— Своимъ незрѣлымъ умишкомъ, папа, да, только своимъ. Франя думаетъ какъ разъ обратное; ты знаешь, какая она ярая германофилка. А я ненавижу нѣмцевъ и твердо вѣрю въ то, что это они продали Россію японцамъ.—Онъ на минуту задумался, потомъ поднялъ голову и, обнявъ приклонившуюся къ нему мать, спросилъ:—такъ какъ-же, дорогіе родители, отпустите меня бить японцевъ?

— Или быть убитымъ японцами? Послѣднее вѣрнѣе.

— Кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ. Жизнь не укоротитъ предназначеннаго ей Богомъ предѣла. Не умру отъ пули, умру отъ тифа, скарлатины, отъ балки, упавшей на голову, отъ ножа хулигана. Не все-ли равно? Почетнѣе и пріятнѣе умереть отъ пули. Не отпустите добромъ, уйду самовольно. Подстерегу на прогулкѣ Государя, брошусь Ему въ ноги и буду умолять послать меня въ дѣйствующую армію.

— Молодчина ты, Борька! Рѣшительный юноша!

Съ этими словами Алексѣй сѣлъ подлѣ брата и широкимъ объятіемъ охватилъ его вмѣстѣ съ матерью, не замѣчавшей, что слезы бѣжали по ея щекамъ.

— Вотъ что, дружище: кончай экзамены и ѣдемъ вмѣстѣ на Дальній Востокъ. Расшевелилъ ты меня; хочу и я хоть какую-нибудь личную выгоду извлечь изъ моей вынужденной забастовки!—продолжалъ Алексѣй.

Боря быстро отклонился и зорко поглядѣлъ на брата.

— И ты, и ты, Алеша? Не шутишь? Серьезно?

— Вполнѣ серьезно, дружокъ. Такими вещами не шутятъ. Только одно условіе: добросовѣстно держать экзамены.

— Пятерки приносить буду, увидишь! — восторженно крикнулъ Боря.—А теперь въ садъ, на гимнастику, силу въ себѣ развивать!

Онъ звонко чмокнулъ мать въ мокрую отъ слезъ щеку, выскочилъ въ окно игромко запѣлъ хрипловатымъ баритономъ:

«Будетъ буря, мы поспоримъ
И поборемся мы съ ней!»

Левъ Павловичъ подошелъ къ окну и увидалъ сына уже качавшимся въ воздухѣ, съ растопыренными, какъ крылья, руками, съ ногами, задѣтыми за перекладину трапеціи. Тонкій, длинный подростокъ изгибался со змѣиной граціей и дѣлалъ изумительно ловкія сальтомортале.

— Экій ловкій чертенокъ!—невольно вырвалось у счастливаго отца.—И вправь, почему ему не повторить Николая Зуева? Ты что тутъ нагородилъ ему, Алексѣй?—обратился онъ къ старшему сыну, задумчиво сидѣвшему на диванѣ.

— Ничего не «нагородилъ», отецъ. Времени свободнаго у меня хоть отбавляй, а гранить мостовую ни ты, ни мать не пріучили насъ. Почему-бы мнѣ не поѣхать санитаромъ въ Манчжурію? Заберу съ собой Борю, тетку, и айда въ путь-дорогу. Изъ Франи образцовая сестра милосердія выйдетъ. Мѣсяца три поработаемъ, а къ открытію учебнаго семестра назадъ.

— Съ Богомъ, други мои, съ Богомъ! Ужъ, конечно, не я, старый вояка, удержу васъ отъ добраго дѣла. Тамъ люди сознательные, идейные еще нужнѣе, чѣмъ здѣсь. Вотъ что наша мать скажетъ?

Онъ взглянулъ на жену и громко расхохотался: Варвара Петровна сидѣла, пригнувшись къ колѣнамъ и закрывъ руками лицо; а крупныя слезы просачивались между ея тонкими пальцами и смачивали лифъ ея темнаго платья.

— Ахъ, ты, моя курица, высидѣвшая орлятъ! Ужъ не махнуть-ли намъ всѣмъ туда, вмѣсто нашего медвѣжьяго угла? Люди вездѣ живутъ, а подлѣ своихъ страдающихъ, голодающихъ и кровь проливающихъ теплѣе и чище проживемъ. А? Что скажешь, мать?

— Ахъ, Левушка! Какая чудная мысль!..

— А денегъ не жалко? Не дешевое передвиженіе будетъ.

— Богъ съ ними, съ деньгами! На Аню хватитъ, а мальчики...

— Намъ деньги—вредъ, мама,— твердо сказалъ Алексѣй.— На дорогу вывели—и спасибо. Заработаемъ, еще съ сестрой подѣлимся.

Гордая радость вспыхнула въ глазахъ матери. Она улыбнулась своему первенцу и вытерла платкомъ мокрое отъ слезъ лицо.

— Такъ какъ-же? ѣдемъ?—переспросила она мужа.

— Разумѣется, ѣдемъ. Можетъ, еще и я стариной тряхну.

— Ну, ужъ куда тебѣ!

— Эге! — крякнулъ Ковенчукъ, выпрямилъ свой все еще статный корпусъ, закрутилъ сивый усъ и такъ вызывающе поглядѣлъ на сына, что тотъ улыбнулся.

— Колы турка не злякался, предъ бісовымъ сыномъ японцымъ до кукурузы не схаменюсь,—иронизируя самъ надъ собою, проговорилъ Левъ Павловичъ, только въ торжественныя минуты прибѣгавшій къ полузабытой «рідной мовѣ».

IV.

Долго еще стоялъ старый Ковенчукъ у окна, любуясь на воздушные полеты, выкрутасы и выверты сына. Боря, и точно, въ этотъ разъ превзошелъ себя, какъ-будто въ немъ удесятерились и сила, и ловкость. Еще-бы! Онъ былъ счастливъ, а счастье, какъ извѣстно, «и духъ подбодряетъ, и силъ подбавляетъ, и ловкость даетъ».

Боря не ожидалъ, что ему удастся такъ легко убѣдить отца; онъ готовился къ серьезной борьбѣ, заготовилъ массу доводовъ, и они остались при немъ, за ненадобностью. Правда, его нѣсколько смущали слезы матери; но онъ зналъ, что мать всегда подчинялась волѣ отца, а разъ отецъ далъ слово, оно становилось неукоснительнымъ закономъ какъ для него самого, такъ и для всѣхъ окружающихъ. Стало быть, бояться было некого и нечего. Франя одна только рѣшалась иногда противорѣчить старику; въ послѣднее время въ ней какъ-то

*) «Старая исторія» не останется «вѣчно юной».

СУБРЕТКА. Съ картины **О. Граммонъ.**

особенно усилился этотъ духъ противорѣчія; можно было думать, что молодая женщина откуда-то извнѣ черпаетъ какія-то новыя идеи, какія-то загадочныя надежды, а вмѣстѣ съ ними и силу противорѣчить Льву Павловичу, до сихъ поръ бывшему оракуломъ семьи. Боря, зорко слѣдившій за любимой теткой, замѣтилъ, что Франя какъ-будто переродилась: оживленнѣе стала, на щекахъ появился румянецъ и глаза заискрились какимъ-то молодымъ блескомъ.

«Странно, очень странно,—тревожно работала мысль Бори.— И какія она книги читаетъ? Прочтетъ, отнесетъ ихъ куда-то и приноситъ цѣлый ворохъ новыхъ... все ходитъ куда-то... а къ ней—никто. И со мной она не такъ нянчится, какъ бывало прежде. Что это значитъ? Подчасъ она такъ задумается, что нѣсколько разъ окликнешь ее, прежде чѣмъ отвѣтитъ. А что, если она откажется ѣхать со мной? Одного меня не отпустятъ».

Тревога охватила на минуту сердце Бори, но тотчасъ-же стихла, пересиленная увѣренностью, что Франя не захочетъ огорчить его. Эта увѣренность въ любви къ нему друга-тетки была такъ непоколебимо сильна, что Боря заговорилъ съ нею объ ихъ отъѣздѣ, какъ о чемъ-то безповоротно рѣшенномъ.

И вдругъ отпоръ пришелъ именно съ той стороны, съ которой онъ никакъ не ждалъ его.

— На что-же я тебѣ, Борюшка? Вы всѣ туда ѣдете...

— Какъ это... «всѣ»? Алеша, я и ты...

— Вся семья ѣдетъ. Развѣ ты не зналъ? Развѣ это безъ тебя рѣшили? У меня сейчасъ былъ Алеша и сказалъ, что вы ѣдете всей семьей.

— Это—новость для меня, да. Я ушелъ въ садъ, а прямо изъ сада къ тебѣ, тетя Франя. Ты сказала сейчасъ: «вы ѣдете всей семьей», а не «мы ѣдемъ всей семьей». Значитъ-ли это, что ты не поѣдешь съ нами?

Въ голосѣ мальчика дрожали слезы: неужели онъ разстанется съ нею, бывшей для него больше, чѣмъ матерью? Другомъ, сестрой, няней, товарищемъ, всѣмъ была для него эта милая женщина, и теперь еще казавшаяся дѣвочкой, несмотря на свои тридцать съ лишнимъ лѣтъ.

— Такъ какъ-же, тетя Франя? Бросишь меня? Да?

Франциска молчала, унылая и смущенная.

— А если меня ранятъ, тетя Франя? Кто сумѣетъ ходить за мной такъ, какъ ты, родная?

Худенькое личико Франи такъ поблѣднѣло и въ большихъ темно-сѣрыхъ глазахъ ея выразился такой испугъ, что Боря пожалѣлъ о своихъ жестокихъ словахъ.

— Боря!.. Дитя мое!..—горько, жалобно воскликнула Франциска, а затѣмъ медленнымъ движеніемъ закрыла руками лицо и заплакала навзрыдъ. Никогда она не умѣла чувствовать вполовину и теперь живо представила своего мальчика въ тѣхъ страшныхъ «волчьихъ ямахъ», которыми она бредила наяву, да и во снѣ видѣла ихъ переполненными страдающими жертвами. «Красный смѣхъ» Андреева такъ и переливался въ ея ушахъ и картины, одна другой ужаснѣе, тянулись и чередовались, какъ въ какомъ-то огромномъ кровавомъ, дьявольскимъ калейдоскопѣ.

— Тетя Франя, не плачь!.. я пошутилъ, тетя Франя! Богъ милостивъ... Онъ меня сбережетъ... для тебя сбережетъ, родная моя тетя Франя!..

Юноша готовъ былъ расплакаться самъ.

— Да... я не буду плакать...Конечно, я поѣду, если поѣдешь ты; но я считаю несправедливымъ ѣхать туда, когда и здѣсь столько работы. Подумай самъ, мой умный мальчикъ: туда согнали милліоны народа, отнявъ отцовъ у дѣтей, мужей у женъ, сыновей у родителей. Поля стоятъ заброшенными, а гдѣ уже засѣяно, гдѣ уже взросли посѣвы, — рукъ нѣтъ, рожь вытекаетъ, пшеница сохнетъ. Тамъ мрутъ отъ ранъ, здѣсь мрутъ отъ голода. И Господь Одинъ можетъ сказать, гдѣ нужнѣе помощь: здѣсь или тамъ. Молодъ ты, Борюшка, жизни еще не знаешь, а то я многое могла-бы разсказать тебѣ. И понялъ-бы ты тогда, что хоть я и зла на японцевъ, хоть надрывается душа моя отъ каждаго нашего новаго пораженія, а, какъ вспомню я, сколько добра и пользы эта японская война принесла, просто руку поцѣловала-бы любому изъ этихъ желтолицыхъ враговъ.

— Тетя Франя!

Боря вскочилъ со стула и сжалъ кулаки, поблѣднѣвъ отъ безсильнаго гнѣва.

— Что съ тобой, Боря?

— Никогда... никогда не повторяй мнѣ этой дурацкой фразы. Это — только фраза, я убѣжденъ... я не могу не быть убѣжденнымъ! Японцы губятъ Россію, унижаютъ, бьютъ ее... А ты... ты, Франя... «руку поцѣловала-бы!..» Ха-ха-ха!—вырвался истерическій хохотъ и Боря снова опустился на стулъ, держась обѣими руками за грудь, надорванную нервнымъ хохотомъ.

— Молодъ ты, Боря, а то понялъ-бы меня, — заговорила Франя. — Эта война, можетъ быть, разоритъ насъ, сдѣлаетъ посмѣшищемъ въ глазахъ Европы, но она сниметъ всѣ заплаты со старыхъ дыръ, обнажитъ всѣ искусственно залѣпленныя раны и освободитъ русскій народъ отъ всего того, что нанесло эти раны въ теченіе долгихъ вѣковъ. Народъ увидитъ, наконецъ, что только на себя можетъ опираться, начнетъ учиться, стряхнетъ съ себя рабскую апатію и черезъ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ никто не узнаетъ въ русскомъ крестьянинѣ прежняго ротозѣя, невѣжду и простака. Онъ и землю подыметъ, и лѣсъ разсадитъ,—лѣсъ, безсовѣстно вырубленный на основаніи узаконеннаго беззаконія, и повернетъ теченіе рѣкъ, какъ сдѣлалъ это князь Н. К. Ташкентскій на Аму-Дарьѣ. Онъ все сдѣлаетъ самъ, своими руками, нашъ сильный, все вынесшій страстотерпецъ-народъ. Какъ святой мученикъ, онъ не поддастся тлѣнію, — только пусть ему развяжутъ руки, пусть ему дадутъ свободно вздохнуть, выведутъ на волю и свѣтъ. Мы увидимъ еще и Воскресеніе, и Преображеніе! Не знаю, увижу-ли я, но ты, ты его увидишь, мой Боря! Вотъ почему мнѣ больно, что ты хочешь идти на смерть, что ты расходуешь свои молодыя силы. О, какъ многимъ еще пригодятся и твое милое сердце, и твой широкій умъ, и твоя упрямая воля! Береги себя, Боря!—не для себя, не для семьи, не для меня, а для всѣхъ тѣхъ, о которыхъ до сихъ поръ никто не думалъ и которыхъ заставляли думать обо всѣхъ, которыхъ рѣзкими мѣрами заставляли любить враговъ и страдать за враговъ. Господи! Да не есть-ли-же это повтореніе Голгоѳы? Тамъ— Одинъ, Безгрѣшный, Свѣтлый и Мудрый, тутъ — воплощеніе ста милліоновъ въ одну собирательную единицу, задавленную, темную, слѣпую, а все-же чистую и сильную въ своей сокровенной сущности! Боря!—она схватила руку юноши и, крѣпко сжимая ее, проговорила громко, побѣдно, глядя куда-то въ даль, какъ-будто раздвигая стѣны своимъ пророческимъ, сверкающимъ взглядомъ: — для «нихъ» живи, Боря, для «малыхъ сихъ», благословенныхъ Христомъ. Мы не винимъ ребенка, когда онъ безсмысленно вопитъ, валяясь въ грязи, голодный и дикій. Мы винимъ тѣхъ взрослыхъ, которые должны о немъ печься. А если этого ребенка еще заставятъ бросать въ огонь каштаны, вытаскивать ихъ ослабѣвшими пальцами и бросать на съѣденіе этимъ попечителямъ, что мы скажемъ? Хватитъ-ли у насъ бездушія равнодушно глядѣть, какъ онъ дуетъ на свои обгорѣвшіе пальцы и, мучась схватками голода, смотритъ, какъ пожираютъ эти каштаны они, благодѣтели? Вынесешь ты эту картину? не бросишься на нихъ, не вырвешь этихъ каштановъ, чтобъ передать ихъ тому, голодному?

— Тетя Франя!—воскликнулъ Боря.

Но Франциска уже не слыхала его оклика. Трясясь, какъ въ лихорадкѣ, она стояла предъ юношей съ пылающимъ лицомъ, съ горящими глазами, готовая ринуться въ какую угодно схватку, готовая отдать себя самое на съѣденіе, чтобъ освободить прикованнаго къ скалѣ Прометея, съ его божественнымъ огнемъ, отринутымъ горстью алчныхъ безумцевъ.

Боря глядѣлъ на нее и его дѣтское сердце ширилось, переполнялось огнемъ жертвенника, на который онъ хоть сейчасъ легъ-бы самъ подъ занесенный ножъ.

— Франя! Какая ты... большая и свѣтлая! Веди меня, куда хочешь!.. Я за тобою... вездѣ пойду!—крикнулъ юноша.

Этотъ дѣтскій, дрожащій голосъ привелъ въ себя восторженную проповѣдницу. Она горячо обняла юношу и проговорила упавшимъ, ослабѣвшимъ голосомъ:

— Да... мы поѣдемъ туда, гдѣ «они» болѣютъ, борются и умираютъ. «Тамъ» ты увидишь, на что способенъ нашъ герой-солдатъ, взятый отъ голоднаго труда на кровавое истязаніе. Какъ жилъ онъ раньше? Опухалъ отъ голода, былъ погруженъ въ густой мракъ невѣжества, не видя необходимаго каждому человѣку просвѣщенія. Да, ѣдемъ, Боря! Посмотримъ сами, какъ и что тамъ происходитъ. Навѣрное, то-же давленіе сильнымъ слабаго, богатымъ — бѣднаго. Вотъ онъ, тотъ университетъ, въ которомъ уравнены всѣ факультеты, въ которомъ ты научишься и правильной оцѣнкѣ, и широкимъ выводамъ. Да, ѣхать надо; ради тебя надо, потому что имъ-то, нашимъ страдальцамъ... здѣсь я, пожалуй, еще больше нужна: учить, развивать, будить сознаніе, указывать кратчайшій путь къ исцѣленію вѣковыхъ недуговъ...

— А тамъ это не нужно?

— Нѣтъ; тамъ этому жизнь учитъ.

Она притянула къ себѣ юношу и крѣпко-крѣпко поцѣловала его.

Стукъ въ дверь прервалъ ихъ бесѣду.

— Войдите!—сказала Франциска.

Въ дверь просунулась сѣдая голова Грицко.

— Что тебѣ, голубчикъ?

— Ужинать пожалуйте,—сердито сказалъ старикъ.—Вже всі посідали, тільки паныча та и пані нэма. Старый панъ журітся.

— Идемъ, идемъ, Григорій Потаповичъ!—заторопилась Франя и, взявъ подъ руку Борю, направилась съ нимъ въ столовую.

Давно не было у нея такъ свѣтло на душѣ; да и окружающіе давно не разговаривали такъ оживленно и весело. Одинъ только Боря былъ задумчивѣе обыкновеннаго и уже не такъ увѣренно говорилъ, что война должна продолжаться. А когда Алексѣй сказалъ ходячую фразу объ ужасѣ «позорнаго мира» юношао твѣчалъ ему вопросомъ:

— А севастопольская война развѣ лучше кончилась? Развѣ не открыла она и хищеній, и взятокъ, и продажности нашихъ чиновниковъ? А что было потомъ? Россія сразу выросла и обратила на себя взоры всего міра. Пусть народъ рѣшилъ-бы, быть миру или продолжаться войнѣ: кровь-то, вѣдь, онъ проливаетъ, тяготы онъ несетъ. Ну, ему и рѣшать надо.

— Не рано-ли берешься за такіе вопросы, братецъ?—остановилъ его отецъ, хмуря сѣдыя брови.

— Что за рано, дядя? Онъ скоро студентомъ будетъ,—вступилась за своего любимца Франциска.

Глаза ея блестѣли, на щекахъ сталъ разгораться яркій румянецъ.

— О севастопольской войнѣ я знаю по твоимъ-же разсказамъ, папа. А о ея исходѣ и о началѣ царствованія Александра II знаю изъ исторіи Григоровича.

— И кто ее далъ тебѣ, желалъ-бы я знать? Вольнодумный враль—твой Григоровичъ! Илловайскаго держись, на вѣрной дорогѣ будешь.

Боря замолчалъ, упрямо сжавъ губы, и между бровями его появилась такая-же морщинка, какая лежала надъ переносицей стараго Ковенчука. Сходство между отцомъ и сыномъ было такъ поразительно, что Алексѣй сказалъ, смѣясь:

— Каждому овощу—свое время, отецъ; но и Борю, какъ тебя, съ мѣста не легко сдвинуть. И лицомъ, и натурой онъ—второй Левъ Ковенчукъ. Поставь васъ вмѣстѣ—двуглавый орелъ получится: врознь смотрите.

— Русскій гербъ,—весело усмѣхнулся старикъ и морщинка между бровями разгладилась.

Онъ настолько развеселился, что началъ даже слегка либеральничать, и продекламировалъ когда-то запрещенное стихотвореніе изъ «Колокола» о «двуглавомъ орлѣ».

— Въ мое время за такую декламацію меня, стараго болвана, въ «Алексѣевку» запрятали-бы. А вамъ все съ рукъ сходитъ, канальи! Распустили васъ!.. Забыли, какъ хорошо береза пахнетъ, а? каша-то березовая, а?

— Зато мы березовую «настоечку» знаемъ, папа,—усмѣхаясь, сказалъ Алексѣй.

Всѣ разговорились, вспоминали старое, сопоставляли съ новымъ.

Молчала только Франя, наблюдая за своимъ Борей, задумчиво слушавшимъ чужія рѣчи и, казалось, не слыхавшимъ ихъ.

Въ немъ зрѣла какая-то серьезная дума, отъ которой не могли оторвать его ни шутки, ни смѣхъ.

И у Франи невольно сжималось сердце и смѣхъ застывалъ на устахъ. Къ чему она пробудила его? На что натолкнула? Куда пойдетъ онъ? Чѣмъ кончитъ? Одно было ей ясно: назадъ онъ не вернется, разъ сдѣлалъ шагъ впередъ, разъ заглянулъ за приподнятую завѣсу. А тамъ, впереди... что ждетъ его? Да, вѣроятно, то-же, что ждетъ всякаго русскаго человѣка, не умѣющаго закрывать глаза и затыкать уши.

«Что-бы ни ждало, на все мы вмѣстѣ пойдемъ»,—рѣшила внутри себя Франя и весело, бодро вмѣшалась въ разговоръ, зная, что только ей удастся отвлечь Борю отъ назойливыхъ думъ, очевидно, осаждавшихъ его юный, воспріимчивый мозгъ послѣ разговора съ нею.

Она не ошиблась: Боря словно ожилъ, когда она заговорила, искусно переведя бесѣду на отвлеченныя, философскія темы, въ которыхъ была очень сильна. И когда—въ два часа ночи—всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, ни у одного изъ членовъ семьи не было ни тревоги, ни недовольства другъ другомъ.

— Завтра, мать, начнемъ по маленьку въ путь-дорогу сбираться,—обратился къ женѣ Левъ Павловичъ.—Ужъ коли ѣхать, такъ не зачѣмъ попусту золотое время терять.

— Ну, ужъ «золотое»!—насмѣшливо оговорилъ отца Алексѣй.—Не вѣрнѣе-ли сказать «красное» время?

— Въ смыслѣ андреевскаго «Краснаго смѣха»? Да... пожалуй... кровавое, страшное время,—задумчиво согласился старый Ковенчукъ.

— А развѣ багрянецъ зари не кровавый?—возбужденно вмѣшалась Франя.—А его никто не боится, никто не называетъ «страшнымъ». Напротивъ, имъ любуются, его встрѣчаютъ улыбками, какъ предтечу быстро грядущаго яснаго, свѣтлаго дня.

Левъ Павловичъ добродушно усмѣхнулся и похлопалъ по плечу молодую женщину.

— Молодецъ ты, Франциска! все свою линію гнешь!.. Знаешь, ты напоминаешь мнѣ дѣтскую игрушку «Ванька-встань-ка»: какъ тебя ни кинь, непремѣнно свое прежнее положеніе примешь.

— Энергія закаленной стали, дядя Лева. Жизнь въ послѣдній годъ закалитъ, кого хочешь. Ну, бай-бай пора.

Она ласково поцѣловала Льва Павловича, обняла Варвару Петровну и крѣпко, по-мужски пожала руки Алексѣю и Борѣ.

— Мой дорогой воинъ не будетъ спать цѣлую ночь,—улыбаясь, сказала она Борису.—Въ юной головкѣ столько новыхъ вопросовъ отвѣта ждутъ.

— Жизнь дастъ отвѣтъ, тетя Франя.

— Дай только Богъ, чтобъ въ желанномъ смыслѣ явились они, эти отвѣты, мой мальчикъ. Евангеліе пусть ихъ дастъ, а не наша вѣчная «шнуровая» книга съ «входящими» и «исходящими».

— Опять!—захохоталъ Левъ Павловичъ.—Маршъ спать, «Ванька-встань-ка»!

И онъ выпроводилъ ее за плечи изъ комнаты.

КОНЕЦЪ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Норвежскій фіордъ. (Къ рис. на стр. 1505.) Кругомъ угрюмыя скалы. Кой-гдѣ на этихъ скалахъ растетъ неприхотливый кустарникъ, кой-гдѣ стоитъ одинокая сосна, и крутые берега скалъ ласкаетъ тихій прибой волны. Здѣсь, среди этихъ скалъ, въ заводи покой и тишина. Сюда не заходятъ бури, здѣсь не свищетъ ураганъ и лишь свѣтлый мѣсяцъ сквозь сумрачныя тучи иной разъ заглянетъ въ фіордъ, окунется своими серебряными лучами въ тихихъ водахъ, словно умоется въ нихъ, и снова скроется въ своей недосягаемой высотѣ. Порой нарушитъ тихую гладь водъ фіорда пароходъ; но пароходъ уйдетъ, и въ фіордахъ снова начинается глубокая тишина, тишина, ничѣмъ не нарушаемая.

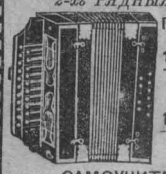
Дѣдушка. (Къ рис. на стр. 1513.) Долго дѣтки ждали дѣдушку. Они уже пообѣдали, поиграли, отдохнули, а дѣдушки нѣтъ какъ нѣтъ. Нетерпѣніе дѣтокъ росло. Но вотъ задребезжалъ звонокъ. «Дѣдушка, дѣдушка!»—закричали дѣти,—и, дѣйствительно, это былъ онъ, любимецъ дѣтей. Съ доброй улыбкой поцѣловалъ дѣдушка своихъ внучатъ и самой маленькой вручилъ подарокъ. Дѣтки побольше смотрятъ на дѣдушку и тоже чего-то ждутъ. Подождите, дѣтки, дѣдушка добръ, не забудетъ онъ и васъ.

Девятый валъ. (Къ рис. на стр. 1519.) Какъ страшенъ онъ, этотъ девятый валъ! Всѣ валы, начиная съ перваго, одинъ за другимъ поднимаются все выше и выше. Первый валъ еле замѣтно бѣлѣетъ среди воднаго пространства, второй уже сверкаетъ своимъ гребешкомъ, третій поднялся бѣлой гривой и безшумно перекатывается, четвертый и пятый уже шумятъ, шестой съ гуломъ мчится за первыми, седьмой и восьмой точно спорятъ въ своей ярости и съ грохотомъ борются между собою, мчась одинъ за другимъ. А вотъ и онъ, «девятый валъ»! Волна, словно стѣна катится по морю среди неумолчной водной поверхности. Она стонетъ, ея гулъ и ревъ заглушаютъ и раскаты грома и свистъ вѣтра. Это—лавина, готовая поглотить въ своихъ объятіяхъ все, что она встрѣтитъ на своемъ пути. Да, страшенъ для моряковъ девятый валъ и счастливъ тотъ кто удачно пройдетъ его.

Въ дорогѣ на базаръ. (Къ рис. на стр. 1521.) Пройдены знойныя степи, и предъ глазами каравана заблестѣли минареты города, въ которомъ нѣсколько разъ въ году устраиваются базары. Много шелка, бархата и драгоцѣнныхъ камней везутъ кочевники и жители небольшихъ селеній на базаръ, чтобы тамъ, въ центрѣ торговли, распродать свои товары и съ облегченными вьюками вернуться къ своимъ оставленнымъ семьямъ. Далеко-далеко разносятся по степи скрипъ колесъ, ржанье коней, лай собакъ и гортанные звуки купцовъ, погоняющихъ усталыхъ лошадей. Дорога на базаръ запружена и конными, и пѣшими; наконецъ, идти недалеко; еще одинъ небольшой переходъ—и дорога будетъ кончена.

Субретка. (Къ рис. на стр. 1529.) Какъ хороша, какъ мила эта субретка въ своемъ скромномъ, но изящномъ костюмѣ. Субретка! какъ это громко. А на самомъ дѣлѣ, это—горничная, только одѣтая во французскій костюмъ XVII вѣка. Бѣлый, какъ снѣгъ, передникъ еще больше оттѣняетъ смуглое лицо, на которомъ, какъ два уголька, горятъ глазки. Сколько въ этихъ глазкахъ и хитрости, и прелести, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доброты! Скромный браслетикъ изъ кораллovъ такъ-же гармонируетъ съ черными волосами субретки и съ ея стройной фигуркой, какъ и ея костюмъ, отъ котораго вѣетъ свѣжестью.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.



СКРИПКИ

въ 2 р., 3 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к. 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы мѣха обиты метал.
2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас 10 бас, 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ съ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ углы мѣха обиты металломъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
31 кл. 12 бас. 26 руб.
36 кл. 12 бас. 30 руб.
СТАЛЬНЫЕ голоса
31 кл. 12 бас. 35 руб.
31 кл. 18 бас. 42 руб.
36 кл. 12 бас. 42 руб.
36 кл. 18 бас. 50 р. 36 кл. 24 бас. 65 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.
СТАЛЬНЫЕ голоса
17, 20, 23, и 28 руб.
ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб.
Стальные голоса 30 руб.
САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

УТВ. ФАБР. МАРКА.

Сенсаціонная новость!
АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ
ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ
кто желаетъ имѣть, вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее, безвредное
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА
ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА
Savon Brésilien da-Costa.
Rio-de-Janeiro. — Paris. — Londres.
Мгновенно дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.
Неподдѣльныя коробки снабжены маркой «Звѣзда», какъ на рисункѣ, и заклеены бандеролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.
Коробка 75 к. — Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 10 к. 3 кор. 2 р. 85 к.; 6 кор. 5 р. 10 к. — Русскія описанія безплатно.
ВЫПИСЫВАЙТЕ ИЗЪ ГЛАВНАГО СКЛАДА
Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.
С.-Петербургъ Владимірская, 3.

СЛАБИТЕЛЬНЫЯ ПИЛЮЛИ ПРОНОСНЫЯ КРОВООЧИСТИТЕЛЬНЫЯ
А АРА А
95 коп.

Слабительныя пилюли Ара
нѣжное, безъ боли
дѣйствующее слабительное средство и съ хорошимъ успѣхомъ употребляемое при растройствѣ пищеварительныхъ органовъ.
Коробка 95 коп.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.
Большой романъ, въ 3-хъ частяхъ, А. А. Соколова. Спб., ц. 1 р. 50 к. съ пересылкой.
Канвой этого романа послужила доблестная оборона Севастополя съ ея героями-защитниками и необыкновеннымъ подъемомъ духа русскаго общества во время Крымской кампаніи. Авторъ прекрасно описываетъ самоотверженность севастопольскихъ богатырей, отстаивавшихъ своею кровью уголокъ русской земли отъ трехъ соединенныхъ непріятельскихъ армій, и безконечную любовь и самозабвеніе сестеръ милосердія.

ПО СТОПАМЪ ВЕЛИКАГО ПЕТРА.
Истор. ром. А. И. Красницкаго. Спб., ц. 1 р. съ перес.
Настоящій романъ-хроника описываетъ добровольное присоединеніе Грузіи къ Россіи и дербентскій походъ гр. Зубова. Авторъ увлекательно разсказываетъ о геройскихъ подвигахъ русскихъ войскъ на Кавказѣ и вмѣстѣ съ историческими фактами развиваетъ оригинальную романическую интригу.

Требованія просятъ адресовать въ книгоиздательство А. А. Каспари: С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114, при главной конторѣ журнала „Родина“, или въ его отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. № 20, и 2) Москва, Петровскія линіи, (противъ гостиницы „Россія“).

скрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.
СКЛАДЪ и ФАБРИКА
ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ С-МИ
С.-Петербургъ, Садовая, № 38.
Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 218
цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

ВСѢ ДАМЫ лучшаго общества употребляютъ для лица химически чистую гигіеническую
ПУДРУ т-ва ГИГІЕНА.
Совершенно безвредна, прекрасно и незамѣтно пристаетъ, придаетъ кожѣ пріятную нѣжность и бѣлизну. Продажа при складахъ
С.-Петербургской ТЕХНО-Химической Лабораторіи
Главный складъ: С.-Петербургъ, Лиговская, 123. — Продается вездѣ. 770

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ
А. СІУ и К°.
ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
Молодости
МОСКВА. 20 коп. кус.

ВРАЧИ РЕКОМЕНДУЮТЪ
настоящія файскія соденскія минеральныя лепешки
при всѣхъ катарральныхъ проявленіяхъ дыхательныхъ путей (кашель, охриплость и т. д.), потому что они убѣдились о выдающемся дѣйствіи лепешекъ. Лепешки эти можно получать по 70 коп. за коробку въ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ. Главное депо: Поставщики Двора Штоль и Шмидтъ въ С.-Петербургѣ. Правленіе для Россіи: Ф. Шарффъ, Варшава, Королевская ул., 18. 497

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ.
БАНКА 1 р. 90 к.
УГРИН отъ ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ
Кожа лица и рукъ дѣлается скоро бѣлой, нѣжной и мягкой.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ КАРАВАННАЯ 16 кв 9

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го: безъ приложеній — 15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

Извѣстна-ли вамъ парфюмерія
ИДЕАЛЪ
Туалетная вода, Духи, Мыло, Пудра высшаго качества.
Товарищества 775
„ГИГІЕНА“
въ С.-Петербургѣ,
Главн. складъ СПБ. ТЕХНО-Химической Лабораторіи, С.-Петербургъ, Лиговская 123.

ДУХИ
ВАСИЛЬКИ
Т-во С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЕХНО ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Золотая медаль 1893 г.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1/1 кус. 50 к. 1/2 кус. 30 к.
(Главный складъ у Г. Ф. Юргнесъ. Москва.)

Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб д., № 114.

Сканировал reduktorer rutracker.org